

Сильвио Гезель
Эксплуатация, её причины и её уничтожение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крупные политические перемены, произошедшие в бывших коммунистических странах, проложили для народов Центральной, Восточной и Южной Европы путь к экономической свободе и политической демократии. Открывшиеся возможности для участия в европейской интеграции несут с собой опасность для новых процессов, начавшихся в этих странах. Потеряв внешнего врага, западный капитализм может теперь показаться великим победителем в соревновании двух систем, и господство всемогущих денег может распространиться и на страны Восточной Европы. Новые бедные на Западе, массовая нищета в странах третьего мира, разрушение окружающей среды в масштабах всей планеты являются теневыми сторонами этой системы, что заставляет искать альтернативы как коммунизму, так и капитализму.

Ещё французский политик-реформатор Пьер Жозеф Прудон, который вел ожесточенную полемику с Карлом Марксом, предвидел, что коммунизм превратит людей в рабов. В Германии Густав Ландауэр, Франц Оппенгеймер, Сильвио Гезель и Рудольф Штайнер вслед за Прудоном искали «третий путь» развития. Обратившись с «Открытым письмом к реформаторам в Восточной Европе», я хотел обратить внимание инициаторов реформ на труды этих мыслителей, которые создали первые основы «рыночного хозяйства без капитализма». Это «Открытое письмо» было переведено на польский, русский, чешский и венгерский языки. Важнейшие отрывки из него были опубликованы в журнале «ЭКО» (№ 4, 1991 г., с.32-41).

Настоящий перевод на русский язык записок, написанных Сильвио Гезелем для немецких профсоюзов в 1922 году, дает возможность читателю, проявляющему интерес к модели «третьего пути» развития, познакомиться с такой моделью на основе исторического текста оригинала, который одновременно содержит глубокий критический разбор марксизма. В Германии, Швейцарии и Австрии организация «Международное объединение за естественный экономический порядок» прикладывает все усилия, чтобы актуализировать и развивать подобные теории. Информацию о новой литературе в этой области вы можете получить в Секретариате (Jakobstr. 54, D-W 7750 Konstanz).

Вернер Онкен

«В сущности не социализм является нашей конечной целью, а она состоит в уничтожении любого рода эксплуатации и угнетения, будь они направлены против какого-либо класса, пола, партии, расы. В этой борьбе мы ставим себе целью установление социалистического способа производства только потому, что в современных условиях развития техники и экономии, он представляется единственным средством для достижения нашей цели, «если бы нам доказали, что мы в этом заблуждаемся, что освобождения пролетариата и человечества в целом можно добиться только или целесообразное всего на основе частной собственности на средства производства, тогда нам пришлось бы выбросить социализм за борт, ни в коей мере не отказываясь от нашей конечной цели. Да, мы как раз должны были бы поступить так в интересах нашей конечной цели.»

Каутский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задолго до того, как золотые лучи восходящего солнца начинают подзадоривать дремлющего капиталиста, поднимается со своей жесткой постели его дворецкий и размышляет, как от сегодня снова сможет облечь сладкие радости бытия в праздник и высшее наслаждение для своего господина.

Капиталист живет только настоящим. Его планы на будущее никогда не простираются далее, чем на вечер. Будущее для него - лишь сгусток настоящего. Ему не нужна надежда. Этот дешевый эрзац настоящего он уступает пролетарию. Пролетарию надежда необходима. Наверняка, пролетарии, если бы он утратил надежду, предпочел бы для себя и капиталиста ужасный конец бесконечным ужасам.

Однако на чем может сегодня основываться надежда пролетария? Разве не сам Каутский посоветовал пролетариату безмолвно подчиниться гнету капитализма? И терпеливо ждать, пока он не умрет от своих внутренних болезней, то есть пока он не созреет для установления марксистско-коммунистического экономического порядка! Однако не будем забывать: процесс созревания пролетариата на практике означает не что иное, как его вымирание в третьем поколении.

Процесс созревания, которому, по совету Каутского (несомненно, когда он его давал, его сердце обливалось кровью), теперь снова должен себя подвергнуть пролетариат, поглотил бесчисленные народы, великие государства и мировые державы, в большинстве случаев не оставив после них ни следа. Древняя Римская империя, Вавилонское и Египетское царства погибли в результате этого процесса созревания. Ведь, в сущности, этот капиталистический процесс созревания не что иное, как процесс загнивания. И мы тоже должны погибнуть в ожидании такой «зрелости», как погибли римляне, греки и вавилоняне? Это и есть последняя надежда пролетариата, а значит, и всего народа?

Но пролетарии продолжают ещё надеяться. Может быть, они сомневаются в том, что Каутский сделал верный вывод из теории Маркса? Однако эксперименты и опыт говорят сами за себя. Или, может быть, пролетариат надеется, что в учение Маркса закралась ошибка, что вопреки Каутскому где-нибудь все же ещё можно найти выход из капиталистической западни? Все равно пролетариат ещё надеется, ещё существуют организации рабочего класса. Доверие к этим организациям сильно подорвано, однако они ещё действуют. Они продолжают существовать благодаря надежде, что вопреки всему в нужное время вожди используют их для спасения пролетариата. Пролетариат встал под ружье и ждет приказа. Если этот приказ будет отдан нескоро, тогда улетучатся последние надежды, начнется дезертирство, и ничто больше не сможет спасти от развала организации рабочего класса, те самые организации, создание которых стоило огромного кропотливого и неустанного труда.

Согласно здравому смыслу, надежды пролетариата более не могут основываться на марксистской теории капитала. Эта теория неизбежно приводит к выводу о необходимости коммунистического экономического устройства. Или капитализм, или коммунизм - это вывод, который должен сделать всякий из марксовой теории капитала. В связи с тем, что теперь, как видно, коммунистический экономический порядок терпит крах, столкнувшись с природой человека, то есть уже в своей основе, и Адам под влиянием преобразований меняется очень медленно (если меняется вообще), каждый марксист, в сущности, должен сказать пролетариату: мы боремся за безнадежное дело. По определенным и неизменным причинам государство будущего останется недостижимым идеалом. Наше вмешательство в капиталистическое производство нарушает, тормозит его и сокращает производимый продукт во вред всем, в том числе и рабочим. Там, где, как например, в Америке, меньше всего узаконенных возможностей вмешиваться в работу капиталистического предприятия, заработная плата рабочих самая высокая. Нам придется терпеть эксплуатацию, как мы переносим стихийные бедствия, землетрясения.

Государство будущего есть и останется мечтой. Давайте будем мечтать о нем, но не будем пытаться здесь, на Земле, претворить эту мечту в жизнь.

Сегодня, пожалуй, уже нет таких марксистов, которым нужно было бы сделать подобные выводы из своего учения. Критика подорвала доверие к правильности марксовой теории капитала и у вождей. Поэтому сегодня они не говорят или пока не говорят с пролетариатом в подобном приведенном выше духе. И у них тоже ещё есть надежда, последняя надежда, а именно на то, что, вероятно, в самое важное место марксова учения о капитале вкралась ошибка. И эта надежда основывается на бесчисленных противоречиях, существующих между Марксом, автором третьего тома «Капитала», и Марксом, автором первого тома.

Таким образом, они вместе с пролетариатом надеются, что неопытный Маркс, Маркс III, одержит верх над молодым Марксом, Марксом I, что Маркс III, самостоятельный исследователь, развенчает Маркса I, ученика вульгарной политэкономии, что Маркс-ученый даст нокаут Марксу-политику, автору «коммунистического манифеста». Тогда Маркс III откроет новые пути для исследований и освободительной борьбы пролетариата.

Пусть чтение последующих страниц даст новую пищу для таких надежд теоретикам и пролетариям.

Сильвио Гезель

Социализм получает свои движущие силы, в первую очередь, благодаря желанию эксплуатируемых, защититься от эксплуататорской власти. Этот тезис позволяет сделать обобщение, что социалистом можно считать всякого, кто участвует в борьбе против эксплуатации. Напротив, к социалистам нельзя причислять того, кто равнодушно относится к эксплуатации.

Я не хочу утверждать, что социализм полностью исчерпывает себя в борьбе против эксплуатации. Однако эта борьба, а особенности на современной стадии развития социализма, является подлинным признаком социалистического мышления.

Если бы больше не было эксплуатации, некоторые коммунисты тоже не знали бы, почему они себя так называют. Если бы эксплуатируемые были едины во мнении, каким образом можно было бы вернее и скорее всего, уничтожить эксплуатацию, в рядах социалистов никогда не было бы раскола. Единый фронт всех социалистов был бы с самого начала прочным и непоколебимым. Он не является таким только потому, что не существует четкого представления о природе эксплуатации. Большинство социалистов имеют не знания по данному вопросу, а убеждения, а мы знаем из истории, что спор часто начинается там, где знания переходят в область убеждений. Верить и спорить - это одно и то же.

Эксплуатация человека осуществляется различными способами. Можно выделить

- 1) эксплуатацию путем личного принуждения,
- 2) эксплуатацию посредством экономического принуждения.

Личное принуждение используют разбойники, пираты, работорговцы. К этой категории можно также отнести воров и сводников.

Борьбу против эксплуатации со стороны разбойников, пиратов, сводников эксплуатируемые передали государству. Это - непрерывная борьба, которая по своей природе никогда не будет доведена до конца. Все же можно сказать, что по сравнению с прошлым эта борьба достигла своей цели. Средства, которые для этого применялись, были, несомненно, действенными. Замки рыцарей-грабителей - разрушены, пиратские суда захвачены, работорговцы упрятаны за решетку. В последнее время принимаются уже в международном масштабе жесткие меры против торговли белыми рабынями. Эксплуатация посредством личного принуждения почти что прекратилась.

Иначе обстоит дело с эксплуатацией посредством экономических методов. Хотя и в этой области велась борьба с применением различных средств, однако, до сегодняшнего дня не удалось добиться какого-либо заметного результата. Напротив. Число эксплуатируемых растет так же, как и растут доходы от эксплуатации, которые с каждым днем становятся все больше. Перед войной эти доходы составили в Германии более 20 миллиардов золотых марок. Создание богатства любой страны, в экономике которой существуют рентные отношения, со всем там, что находится в этой стране и на ее земле: домами, пашнями, рудниками, товарными складами, магазинами, банками и их содержимым, железными дорогами, стадами, лесами, торговым флотом и т.д. каждые 20 лет эксплуатируемым приходится оплачивать эксплуататорам в виде земельной ренты и процентов. Цена любого объекта, приносящего капитал, складывается при его продаже в самом общем виде как увеличенный в 20 раз, получаемый с него годовой доход, то есть земельная рента или процент. Когда Гельфферих оценил созданное в Германии богатство, которое он назвал народным богатством, в 350 миллиардов, то он капитализировал, умножил на 20 или 25, проценты и земельную ренту, получаемые ежегодно рантье.

Как же происходит эксплуатация? Следовало бы предположить, что уже давно сложилось четкое представление о явлении, имеющем столь грандиозный размах тем более, что речь в данном случае идет о процессе, протекающем на наших глазах, в котором принимают участие только люди, и который мы можем наблюдать во всех его деталях. Однако же мы все ещё спорим о том, как, когда и где происходит эксплуатация. Каждый год мы платим 20 миллиардов марок

нашим эксплуататорам и ещё не знаем, как это происходит! И так как у нас нет единой точки зрения в этом отношении, мы спорим о путях, которые нужно выбрать для уничтожения эксплуатации. Это кажется невероятным, по это - правда: не может быть единого фронта социалистов, потому что мы не знаем, берет ли капиталист деньги из нашего левого или правого кармана.

Две теории претендуют сегодня на признание среда эксплуатируемых:

1) теория, согласно которой причину эксплуатации следует искать в частной собственности на средства производства как таковой;

2) теория, по которой эксплуатация является следствием нашего несовершенного финансового и земельного права.

По первой теории, эксплуатация происходит непосредственно и исключительно в процессе труда на фабрике, в поле. По второй, она возникает при пользовании землей и при обмене продуктов труда посредством денег, а также при предоставлении разного рода ссуд, причем отношения между работодателем и работополучателем рассматриваются так же, как и отношения, вытекающие из предоставления ссуды, подобно тем, которые складываются между арендодателем и арендатором.

Первая из вышеназванных теорий логически приводит к требованию уничтожения частной собственности и тем самым частного хозяйства и личной ответственности. Распределение продукции осуществляется государством, которое руководит производством. Причины, по которым должно осуществляться распределение, регулируются в законодательном порядке.

Согласно другой теории, такое вмешательство не требуется. Достаточно, чтобы были «обобществлены» земля и капитал. Тогда действительно свободная, упорядоченная, развивающаяся по собственным законам экономика неизбежно, автоматически урегулирует все остальные противоречия. Эксплуатация, по этой теории, является продуктом насильственного вмешательства в естественный, складывающийся сам по себе по порядку экономики. Как только прекратится такое вмешательство, исчезнет и эксплуатация.

Таким образом, на одной стороне находятся государство, закон и принуждение, а на другой - совсем противоположное - свобода в новом обществе, в совершенно новых, ещё не имевших места условиях.

В первом случае дорога ведет направо, к коммунизму, то есть в обратное направлении, откуда мы пришли, во втором случае, наоборот дорога ведет налево, из теснины капитализма к свободе, не к расширению власти государства, а ее ограничению.

Однако обе теории претендуют на то, что они обладают преобразующей силой, необходимой для полного достижения главной цели социализма - ликвидации эксплуатации.

В том, что с установлением коммунизма и ликвидацией частной собственностью полностью прекращается эксплуатация мы достаточно основательно смогли убедиться на примере России. Действительно все эксплуататоры умерли голодной смертью. И на самом деле Ленин добился главной цели социализма. Однако русские, кажется, дорого заплатили за достигнутое, так дорого, что некоторые требуют вернуть счастливые времена, когда были капиталисты-эксплуататоры.

В свободной экономике, которую я противопоставляю коммунизму, эксплуатация будет уничтожена ненасильственными методами. То, что она исчезнет, доказывает сама логика фактов, лежащих в основе теории свободной экономики.

Теперь нас интересует вопрос, какая из двух обсуждаемых теорий эксплуатации, является неверной. Разумеется, речь идет не о том, какую из двух теорий нам нужно выбрать, чтобы научно подкрепить поставленную перед собой и преследуемую нами цель, а независимо от личных стремлений и склонностей установить то, что является правильным само по себе. Мы хотим разобраться в истинных причинах эксплуатации и сформулировать наши наблюдения в виде тезиса. Причем вопрос не в том, придется ли этот вывод нам по вкусу или нет. Необходимо найти

истину. И не более того. О том, как впоследствии поступить с истиной, которую мы установим, я скажу далее.

Маркс как главный автор теории, по которой существование эксплуатации объясняется частной собственностью, исходит из чрезвычайно важного, однако, очень поверхностно проанализированного им положения, а именно о том, что деньги не являются самостоятельным капиталом. Согласно Марксу, деньги являются всеобщим эквивалентом товаров, находящихся в процессе обмена. Маркс не находит объяснения для выведенной им самим всеобщей формулы обмена - Д - Т - Д', то есть деньги - товар - прибавочная стоимость - в свойствах денег. Если эту формулу нельзя объяснить как регулярно осуществляемое и ненаказуемое «надувательство», то есть факторами силы, то тогда, по словам Маркса, это объяснение складывается из длинного ряда промежуточных звеньев одной цепи. Эти промежуточные звенья Маркс ищет в процессе производства. Далее он следующим образом объясняет происходящую там эксплуатацию: рабочая сила является товаром. Стоимость товаров определяется в соответствии с издержками производства. Капиталист платит без обмана, то есть в силу своего экономического превосходства, за рабочую силу полную стоимость, когда он оплачивает издержки производства. Рабочая сила как товар имеет своеобразие, заключающееся в том, что ее потребительская стоимость больше, чем её меновая стоимость, это значит, что в процессе потребления рабочей силы на фабрике создается бОльшая стоимость, чем уплаченная за нее стоимость, то есть производственные издержки на рабочую силу. Разница между этими двумя величинами принадлежит естественно собственнику, покупателю рабочей силы. Так объясняется возникновение прибавочной стоимости.

На этих тезисах построен большой труд «Капитал». По крайней мере, два первых тома опираются на эти тезисы. (Мы не будем принимать во внимание третий том, который полон противоречий, так как он не оказывает никакого влияния на теорию социализма.) С их помощью научно обосновывается необходимость ликвидации частной собственности. Тот, кто хочет понять учение Маркса, должен воспринять эти тезисы. Тот, кто хочет критиковать его, должен начать с анализа этих тезисов. В обоснование необходимости коммунизма Маркс не говорит больше ни слова.

Здесь я хочу обратить внимание на противоречия, которые делают положения учения Маркса несостоятельными, тем самым оказывается шатким приведенное Марксом доказательство того, что для уничтожения эксплуатации необходимо ликвидировать частную собственность. Далее я приведу доказательство того, что в обществе, свободном от эксплуатации, полностью приемлема частная собственность и частное хозяйство.

Исходным пунктом марксовской теории является тезис: «Рабочая сила является товаром». Маркс утверждает это. Он взял это утверждение из экономической литературы своего времени.

Он не обосновывает это утверждение. Его правильность для Маркса, вероятно, совершенно очевидна. Может быть, этот тезис выдвинут человеком, который хотел выразить свое возмущение тем, как сильно капитализм унижает человеческое достоинство. В качестве выражения такого возмущения с этим тезисом можно согласиться. Однако в том случае, если он, как у Маркса, должен стать основой веской теории, необходимо точнее разобраться в его справедливости.

Чем была бы способность к труду без желания трудиться? Какой прок капиталисту от рабочей силы, если рабочий не использует ее? В свою очередь, какая польза капиталисту от желания трудиться, если нет рабочей силы? Желание и способность в совокупности производят продукт, а для капиталиста важен продукт. При найме рабочего предложение капиталиста ориентируется на продукты, которые он хочет получить от рабочего. Так же и рабочий формирует свои требования в соответствии с продуктом труда.

Следовательно, договор об оплате труда есть не что иное, как договор купли-продажи товаров, которые производит рабочий, а капиталист покупает. Особенно наглядно проявляются эти отношения при сдельной оплате труда. То, что станки, которые использует рабочий, принадлежат капиталисту, ничего не меняет в этих отношениях. В этой связи отношение капиталиста к рабочему можно сравнить с отношением залогодателя. Капиталист дает займы

рабочему орудия труда и сырье за вознаграждение. Как правило, общая конкуренция устанавливает размер вознаграждения на уровне ссудного процента на капитал, который капиталисту приходится затрачивать на приобретение средств производства. Конкуренция не позволяет получить ему большее вознаграждение. И опять-таки общая конкуренция препятствует тому, чтобы оно не было меньше, так как никто не будет вкладывать деньги в предприятие, которое будет приносить доход меньше, чем ссудный процент на вложенный капитал. В данном случае складываются такие же отношения, как при сдаче земли в аренду крестьянину с той только разницей, что землевладелец предоставляет заботу о продаже полученных с земли продуктов крестьянину. Ни одному землевладельцу не придет в голову сказать, что он купил рабочую силу крестьянина.

Капиталист является коммерсантом. Он закупает сырье, которое используют его рабочие, и реализует изделия, которые производят для него рабочие или, точнее говоря, которые они ему продают.

В качестве ссуды можно рассматривать предоставляемые капиталистом рабочим станки, процент за которые он удерживает из заработной платы или сдельной зарплаты и которые ему одновременно служат залогом. Если бы все рабочие были кредитоспособными, то они сами могли бы заниматься предпринимательством, подобно капиталистам. Это предполагает наличие у них необходимых для этого знаний, как это происходит в случае с крестьянами-арендаторами.

Сделаем вывод из только что сказанного: все рассуждения, которые Маркс построил на тезисе о том, что рабочая сила является товаром, можно опровергнуть при помощи этого же тезиса.

Маркс говорит: «Стоимость товара рабочая сила определяется издержками производства на неё». Этот вывод Маркс делает на основе общей теории заработной платы. И ему не требуется никакого другого вывода, потому что он логически вытекает из положения о том, что рабочая сила - товар. Если появляются противоречия между фактами, тогда объяснение необходимо искать в чем-то другом, ибо тезис о том, что рабочая сила - товар, будучи аксиомой, не подвергается никакой критике и вывод о том, что стоимость рабочей силы определяется издержками производства на неё, остается вне всяких сомнений. В третьем томе Маркс прилагает все силы, чтобы разрешить эти противоречия.

Из общей теории заработной платы, которую Маркс выводит из своей аксиомы, что рабочая сила - товар, опять-таки строго логически вытекает общая теория капитала, объяснение повсеместно признанной эксплуатации. Он говорит, что капиталист покупает товар рабочую силу за ее полную стоимость, то есть без надувательства. Однако он покупает ее не из-за ее меновой стоимости, следовательно, не как коммерсант. Он покупает ее как потребитель, чтобы использовать ее. Но товар рабочая сила имеет такое своеобразие, что ее потребительская стоимость больше, чем ее меновая стоимость, это означает, что в результате потребления товара рабочая сила создается продукт, который по стоимости больше, чем производственные издержки на рабочую силу, таким образом, больше, чем заработная плата. Эта разница и является прибавочной стоимостью. Теория капитала завершена.

В качестве покупателя товара рабочая сила рассматривается естественно только один потребитель этого товара, а потреблять этот своеобразный товар можно только при помощи средств производства. Обладание средствами производства дает капиталисту возможность присваивать разницу между потребительской и меновой стоимостью товара рабочая сила. Так доказывается то, что эксплуатацию человека в целом можно объяснить существованием частной собственности на средства производства. Социалистам, которые хотят узнать, как уничтожить эксплуатацию, не остается ничего другого, кроме как полностью согласиться с необходимостью национализировать средства производства.

Таким образом, из тезиса о том, что рабочая сила является товаром, неизбежно вытекает необходимость коммунизма. С доказательством того, что не рабочая сила, а продукт труда является предметом договора о заработной плате, социалистам требуется заново выработать ориентиры в теоретическом, экономическом и политическом направлениях. Им необходимо

создать новую теорию заработной платы, новую теорию капитала, дать новую в социальном отношении оценку частной собственности на средства производства, так как все их прежние рассуждения и убеждения не имеют больше никакой теоретической базы. Теория научного социализма создается и опровергается на основе положения о том, что рабочая сила является товаром.

При анализе природы капитала теория «свободных» денег также исходит из марксовой формулы обмена: $D - T - D'$, то есть деньги - товар - прибавочная стоимость. Однако эта теория, в отличие от марксовой, критически относится к тому, что деньги являются всеобщим эквивалентом товаров, и в сформулированной самим Марксом всеобщей формуле обмана находят доказательство тому, что деньги - это больше, чем эквивалент. Марксова формула $D - T - D'$ для неё является непосредственным доказательством того, что деньги являются самостоятельным капиталом и D' - не продукт непрекращающегося надувательства, а результат экономического превосходства владельца денег над владельцем товара, следовательно, продукт экономической власти.

Теория «свободных» денег, однако, не ограничивается рассмотрением D' как доказательства того, что деньги имеют природу капитала. Она также дает ответ на вопрос, почему деньги могут выступать в качестве капитала по отношению к товарам.

Этому она дает следующее объяснение. Товар непосредственно не нужен своему производителю или владельцу. Необходимо обменять товар, чтобы извлечь из него пользу. Для этого владельцам товаров, подчиняясь сложившемуся порядку, необходимо использовать деньги как средство обмена. Цена, которую получает владелец товаров, определяется исключительно спросом и предложением. Под спросом нужно понимать предлагаемые деньги, а под предложением - предлагаемый товар. Цену можно выразить дробью, в которой числитель представляет деньги, а знаменатель - товар. Деньги, деленные на товар = цена.

Если числитель (деньги) уменьшается, то цена падает. Если числитель увеличивается, то цена повышается. От изменений знаменателя цена находится в обратной зависимости.

Теперь нужно учесть, что если мы имеем в виду настоящих богачей, банкиров, рантье, спекулянтов, вкладчиков сберегательных касс, то предложение денег - дело совершенно произвольное. Те, у кого после удовлетворения своих непосредственных потребностей в товарах, остаются ещё деньги, могут распоряжаться ими совершенно свободно. Они могут отнести их в банк и поместить на хранение в сейф. Однако в этом случае они потеряют процент. Обычно процент по вкладам равен 4 % в месяц, примерно 30 пфеннингов на 100 марок. Примем этот ущерб за давление, которое испытывает владелец денег, тогда такое давление мы можем выразить только что приведенной цифрой, то есть давление составляет примерно 1 пфеннинг в день на каждые 100 марок. Справедливо заметить, что денежным запасам владельца денег не наносится никакого материального ущерба, и он может сожалеть только об упущенной прибыли. Тот, кто закопает свои деньги под яблоней, найдет их через какое-то время в целостности и сохранности. Учтем еще, что все деньги, в том числе и те, что капиталист выплачивает в качестве заработной платы, как правило, поступают из банков или сберегательных касс, таким образом можно сказать, что все деньги, находящиеся в обращении, находятся под давлением, измеряемым ежедневно в один пфеннинг на каждые 100 марок.

Сравним теперь знаменатель дроби - предложение товаров - с её числителем. Давайте рассмотрим товары один за другим. Сходим на рынок, в торговую лавку, универмаг, порт, на железнодорожный склад. Все эти товары имеют своего определенного владельца. И у всех этих владельцев полным-полно забот о своих товарах, чтобы их не украли, чтобы не пошел дождь, не наступили заморозки, не жгло солнце. В товаре может завестись моль. На складе легко может вспыхнуть пожар. Градом может разбить витрину, и тогда дождь замочит шелковые ткани. Пыль тоже вызывает порчу некоторых товаров. Играет роль и смена моды. Эпидемии приводят к гибели скота. Охотясь за мышкой, кошка опрокидывает изделия из фарфора, и они разбиваются на мелкие осколки. Если мы закроем деньги в шкафу, то когда мы его откроем, они будут лежать там нетронутыми. Владелец денег не получит прибыль в размере 1 пфеннинга в день на каждые 100 марок, как мы только что подсчитали. Если банкир закроет свой банк, то не полученную им

прибыль можно определить точно так же.

А как будут обстоять дела у владельца магазина, если ему в голову придет безумная мысль поступить, подобно банкиру, и закрыть из-за забастовки служащих свой магазин на год? Сколько придется списать ему со своего счета из-за краж, ржавчины, моли, гниения, порчи, смены моды и т.д.? А если к этому ещё прибавить арендную плату за помещение, и расходы на пожарную охрану? Сколько ему придется заплатить за хранение товаров на железной дороге? Что будет с газетами, картофелем, о которых все забудут?

Есть люди, которые уже теперь копят деньги на следующую войну. Но есть ли такие, кто сейчас с этой целью копит яйца, масло, туфли или салат? Итак, сколько придется списать со своего счета владельцу универмага, если он захочет закрыть его только на один год? Если 50 % слишком много, то 20% наверняка, чересчур мало. Однако давайте будем исходить из 15 % или только из 10 % и сравним в этом случае положение человека, который копит деньги, и того, кто накапливает товары. Первый не получит прибыль в размере 5 %, у второго будут такие же потери прибыли, но к этому добавится еще материальный ущерб. Потери прибыли владельца денег мы подсчитываем, учитывая давление в I пфеннинг на каждые 100 марок в день.. Материальный ущерб, который возникает у владельца товаров, нужно определять, исходя из давления 3-х пфеннингов в день на каждые 100 марок.

Следовательно, это означает, что на рынке владелец денег посредством обмена пытается избавиться от давления одного пфеннинга, а владелец товара - от давления, которое в три раза сильнее. Если купля-продажа не состоится, то владельца товара ожидают убытки, которые в 3 раза больше, чем убытки владельца денег. Кто из них в таких условиях, будет более сговорчивым? Кто из них скорее умиротворит свои требования?

Таким образом, совершенно ясно, что речь идет не об эквивалентах, что, следуя правилам, владелец денег может потребовать от владельца товара особого вознаграждения за то, что он покупает товар непосредственно без промедления и тем самым не наносит материального ущерба, владельцу товара.

Размер этого вознаграждения в каждом отдельном случае, конечно, не может быть установлен. Опыт показывает, что коммерсантам обычно удается получить 5 % годовых на вложенный в дело капитал. Эти 5 процентов - сумма скидок, предоставляемых в течение года при покупке товаров из-за превосходящей силы денег. Если бы деньги не были капиталом сами по себе, то коммерсанты бы не смогли получить проценты на вложенный в дело капитал. С кого бы смогли они тогда получить проценты? При натуральном продуктообмене невозможно получать проценты. Если бы при обмене товаров обе стороны рассчитывали на получение процентов, то их бы требования взаимно компенсировались.

Маркс так и не смог разрешить загадку, заключающуюся в его формуле торговли: $D - T - D'$, что и заставило его предпринять отчаянную попытку искать прибавочную стоимость - D' - вдали от рынка, в процессе производства. Таким образом, эта загадка не была решена. Деньги оказались самостоятельным капиталом. Они не являются всеобщим эквивалентом. Они нечто большее. И это большее создает прибавочную стоимость.

На основе такого решения этой загадки для всех явлений капиталистической экономики можно найти чрезвычайно простые и ясные объяснения. И нам теперь не требуются больше три толстых тома, чтобы осмыслить эти явления.

После открытия того, что деньги имеют природу капитала, происходит всеобщая смена ролей. Процент торгового капитала теперь больше не зависит от процента промышленного капитала. Наоборот, процент на все другие виды капитала определяется на основе процента денежного капитала. Теперь не нужно больше ничего притягивать за уши. Превосходство денег является постоянной величиной. Следовательно, и доход от этого превосходства есть величина постоянная. Теперь дано объяснение необычному явлению, которое до сих пор никто не мог объяснить, а именно почему процент на протяжении тысячелетий всегда остается на одном и том же уровне.

Если деньги являются самостоятельным капиталом, то тогда очевидно, что никто не будет

вкладывать деньги в строительство или промышленность, если он не сможет получить на эти капиталовложения такой же процент, как и на торговый капитал. Следовательно, процент на денежный капитал с незапамятных времен служит границей доходности, которая до сих пор казалась полной загадкой и которую с момента существования денежного хозяйства ни разу не переступил ни один предприниматель. Проектам, которые не принесут такой же доход, как процент на денежный капитал, так и суждено остаться не претворенными в жизнь. Если предприниматель не сможет доказать ипотечному банку, что строительство дома, который он хочет построить для сдачи в аренду, будет приносить 5 % на вложенный капитал, то банкир у него перед носом закроет дверцу сейфа с деньгами. Здесь порядок строгий: нет процента - нет денег. Если арендная плата из-за интенсивного строительства упадет ниже «нормального» уровня, то есть не будет приносить 5 % на вложенный капитал, то, значит, пора сказать «Стоп!». Мы построили слишком много. Надо подождать, пока процент не достигнет своего «нормального» уровня. Тогда можно опять приступить к строительству. И так происходит со всеми капиталовложениями, делаются ли они в строительство судов, железных дорог, рекультивацию земель, создание скверов или театров. Деньги запрещают работать, если в результате не будут получены 5 % на вложенный капитал. Деньги объявляют забастовку. И ни разу со времени появления наших обычных денег они не проигрывали в этой борьбе. Тот, кто вкладывает свои деньги в капиталистическое предприятие, получает своего рода гарантию, предоставляемую самими деньгами, что никто не сможет конкурировать с ними, если процент упадет ниже 5. Так происходит на протяжении 6000 лет, это считается само собой разумеющимся, и никто не спрашивает, почему это так.

После того, как раскрыта капиталистическая сущность денег и дано объяснение природы этого капитала, перед социалистами, которые стремятся уничтожить эксплуатацию, встает вопрос, возможно ли создать деньги, которые не будут иметь превосходства над товарами и которые поэтому не будут капиталом по отношению к ним.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к исследованиям французского социалиста П.К.Прудона. Прудон - первый, кто выявил капиталистическую природу денег, хотя и не разглядел сущность этого капитала. Последнее явствует из его предложений по ограничению роли денежного капитала, которые сводятся к тому, чтобы возвести товары в ранг денег.

Если бы он распознал природу, причину превосходства денег, тогда он не стал бы этого требовать. И всё же из его высказываний совершенно очевидно, что у него не было сомнений в том, что деньги - капитал. Поэтому он и искал ключ к разгадке марксовской формулы обмена деньги - товар - прибавочная стоимость в процессе обмена товаров на деньги. Здесь и только здесь, очевидно, находился ключ к разгадке. Поэтому он начисто отверг марксову теорию капитала, как стоящую вне всяких дискуссий. В ходе размышлений о природе реального капитала, т.е. капитала, вложенного в фабрики, средства производства, сдаваемые в аренду квартиры и т.д., он, наверняка, до конца убедился в том, что корни капитализма находятся в деньгах. И в данном отношении он видел положение вещей совершенно ясно.

Прудон не сомневался в том, что если не будут действовать сдерживающие факторы со стороны денежного капитала, то тогда накопление средств производства приведет к выравниванию спроса и предложения на рынке капиталов, то есть к полному исчезновению процента. Для Прудона капитализм представлял собой побочное явление обычной системы финансовых отношений. Природа вещей, природа человека и созданной им техники, природа экономического порядка была направлена непосредственно против капитализма. И если эта природа не смогла полностью проявиться в этом направлении, то причиной тому стало несовершенство денег, внутренние пороки тех самых денег, которые мы переняли от римлян, греков, Хаммурапи, не разобравшись в их сути и не изменив. Переняли, не разобравшись в их сути.

Прошло 70-80 лет с тех пор, как Прудон критически проанализировал «Капитал». Всего один шаг отделял его от окончательного решения издревле существовавшей проблемы. Перед ним нужно было поставить еще один вопрос, почему же деньги обладают превосходством над товарами. Тогда ответ на этот вопрос послужил бы одновременно ответом на другой вопрос

социалистов, каким образом лишить деньги их злополучного превосходства. Ответ на этот вопрос стал бы просто делом техники, с помощью которой находят решения для подобных проблем. Но Прудону никто не задал такой вопрос, у него не было достойного соратника. Ему приходилось рассчитывать только на самого себя. Маркс был влюблен в собственную теорию капитала. Он не хотел разбираться в рассуждениях Прудона. И он победил Прудона.

Повседневная политическая борьба отвлекла Прудона от научного обоснования своих выводов, которые он так и унес с собой в могилу. Книги, оставшиеся после него, были отрицательно восприняты капиталистами. Из-за неодобрительных отзывов Маркса они не нашли признания и у социалистов. Только анархисты не предали их забвению. Однако их заинтересовали другие мысли Прудона. Таким образом, учение Прудона о капитале, несмотря на усилия Густава Ландауера, осталось без внимания. Маркс стал хозяином положения.

Учение о «свободных» деньгах дало ответы на вопросы, которые Прудон оставил открытыми. Деньги являются капиталом, потому что их предложение не находится под таким же давлением, как предложение товаров. И при образовании цены владелец денег использует это обстоятельство согласно всеобщей формуле торговли: деньги-товар-прибавочная стоимость.

Поэтому, если мы создадим такие деньги, предложение которых будет испытывать такое же давление, что и предложение товаров, то превосходство денег исчезнет. Тогда сложится, такое положение вещей, которое Маркс в своем исследовании принял за исходное.

Если бы деньги, находящиеся у коммерсантов, банкиров, вкладчиков сберегательных касс, спекулянтов- теряли бы своё качество также быстро, как товар, если бы обладание деньгами было связано с такими же издержками, как и владение товарами, если бы владельцу денег приходилось принимать в расчёт материальный ущерб, который увеличивается пропорционально времени, в течение которого деньги находятся в его владении, тогда деньги и товары были бы эквивалентами и в этом случае невозможно было бы представить, что владелец денег смог бы потребовать у владельца товара особую скидку с цены товара за то, что он не откладывает покупку этого товара в долгий ящик. Ведь в такой ситуации ущерб, который заставляет владельца товара пойти на уступку в цене, в той же мере затрагивал бы и владельца денег.

Теория свободных денег воплощает эту идею в жизнь. Если бы Прудон был жив, он бы сказал: вы перевернули мою мысль вверх ногами. Я хотел возвести товары в ранг денег. Товары и деньги должны были стать полными эквивалентами благодаря тому, что я наделил товары всеми теми хорошими свойствами, которыми обладают деньги. Это у меня не получилось и не могло получиться, потому что как же можно наделить соломой, тряпкой, нефтью такими свойствами, которые побудят вкладчика сберегательной кассы сказать: «Мне всё равно, что копить: золото, тряпки, нефть, говяжьи шкуры, картофель и т.д.» Через руки вкладчиков проходят все деньги. В течение года все деньги, имеющиеся в стране, осели бы в сберегательных кассах, если бы сберкассы не возвратили бы их опять в обращение в расчёте получить на них процент, который я хочу отменить. Я не подумал об использовании наличных денег в качестве средства накопления. Очевидно, что если я захочу претворить свою идею в жизнь, то деньги как: средство накопления должны быть уравнианы с товарами. Это значит, что деньги физически должны быть отделены от средств накопления.

Теперь это произошло с вашими свободными деньгами. Вы не товары возвели в ранг денег, а наоборот деньги низвели до уровня товаров. Это - удачная мысль. Это можно осуществить на практике. Деньгам по желанию можно придавать любую форму. Цель, к которой я стремился, достигнута. Свободные деньги так же плохи, как и товары. И теперь действительно товары и деньги стали эквивалентами.

Наверное, так выразил бы Прудон своё мнение. С введением свободных денег исчезнут и преимущества денег, а также превосходство денег над товарами. Тем самым будет, конечно, покончено со всем, что связано с этой превосходящей силой денег. Это не что иное, как капитализм постольку, поскольку он связан с частной собственностью на землю.

При покупке товара владелец денег не сможет больше требовать с его продавца уплатить проценты, так как обмениваться будут эквиваленты, а кто же в таком случае будет выплачивать

процент? На том же основании можно было бы предположить, что владелец товара будет облагать процентом владельца денег. Таким образом, свободные деньги по своей сути не являются капиталом.

Следовательно, больше не существует и границы доходности при накоплении капитала. Эта граница складывалась на основе дохода, который деньги приносили, выступая в качестве средства обмена. За 6000 лет, пока она существует, её никто ни разу не переступил. Теперь впервые со времён царя Хаммурапи свободные деньги пробили брешь в этой границе доходности.

Для свободных денег не существует нижней границы доходности. Это ведь больше не самостоятельный капитал. Если прибыльность капиталовложений снижается, например, в результате интенсивной деятельности, деньги не могут больше сказать: «Предприниматели и рабочие из-за вашего чрезмерного усердия настолько увеличился реальный капитал, количество средств производства, квартир и т.д., что процент, который они приносят ниже «нормального» уровня, границы доходности. Я начинаю забастовку. Пора кончать с этой строительной лихорадкой.» Нет, свободные деньги такого сказать не могут. Они не могут объявить забастовку. Ведь они испытывают давление. Свободные деньги таят в себе штрейкбрехера. Для того, чтобы деньги не могли бастовать, было изобретено это давление. И давление исполняет свою функцию.

Свободные деньги непрерывно напоминают своим владельцам о том, что они созданы как средство обмена. Они ставят своих владельцев перед выбором: или удовольствоваться незначительным процентом, или смириться с тем, что деньгам наносится материальный ущерб. Если предприниматель придет в ипотечный банк и скажет банкиру: «В последние годы мы построили очень много. Рента с домов упала. Вместо 5 % нетто квартиры приносят только лишь 4 % дохода. У меня есть новый план строительства доходного дома, и я хочу, чтобы Вы, учитывая упомянутое снижение арендной платы, соответственно уменьшили проценты по ипотечному кредиту. «Тогда банкир, если он имеет дело со свободными деньгами, не будет захлопывать дверцу сейфа перед носом такого клиента, как это происходит в подобных случаях сейчас, и говорить: «Я подожду отдавать свои деньги, пока рента на квартиры не достигнет нормального уровня, пока она не возрастет до старой границы доходности». Нет, он остережется произносить такие слова. Если он открытый человек, то он ответит следующим образом: «Дорогой клиент! Прошли времена, когда мы могли говорить о прежней границе доходности. Что мне делать с этими деньгами, если Вы их у меня не возьмете? Я испытываю давление. Я должен отдать деньги при любых обстоятельствах и под любой процент. Если Вы не можете больше выручить из Вашего доходного дома 5 %, потому что было очень много построено, ну тогда, ради Бога, я дам Вам деньги под 4 %. Но я предвижу уже время, когда Вы мне скажете: «Я не могу больше платить 4 %. Мы работали непрерывно, и так же непрерывно снижалась арендная плата. Вам придется дать мне деньги уже под 3 %.» И тогда я Вам отвечу: «Я дам Вам деньги даже под 2.5 %, если Вы сможете взять у меня более крупную сумму. Так как смотрите: по мере того, как снижается арендная плата вследствие беспрестанной деятельности, население может экономить больше денег, и эти деньги люди несут ко мне. Мои кассовые поступления выросли настолько же, насколько сократилась рента и арендная плата. Я нахожусь под давлением свободных денег и увеличивающихся кассовых поступлений и должен заботиться о сбыте. Поэтому я повторяю только что сделанное предложение о 2.5% или 2.1%.»

То, что здесь сказано о капитале, вложенном в строительство, относится естественно ко всем предметам, приносящим доход, для капитализма во всех его проявлениях. За единственным исключением земли и полезных ископаемых, всё, что человеку требуется для жизни и труда, находится под давлением свободных денег. И ничто не может избежать этого давления. Никакая сила, никакой капиталист не может противостоять последствиям освобожденного от пут труда. Свободный труд создает для капиталистов всё новых конкурентов. Море капитала выходит из старых берегов доходности. И рента утонет в море нового капитала.

Требование прибыльности капитала означает 5 %. По ту сторону этих 5 % простирается обширная область кризисов, поле действий для батальонов безработных, пустыня, в которой бесчисленные миллионы людей, которые хотят работать, страдают от голода и жажды. Да, это не обычная пустыня, где умирающий от жажды на самом горизонте видит мираж: Альпы, озера,

реки. Нет, в этой пустыне, где в осязаемой близости от голодных масс, в витринах магазинов в аппетитном оформлении выложены продукты, люди испытывают танталовы муки. Они не могут добраться до них, потому что наступило перепроизводство. В этой пустыне революционные духи, не выдержав мук Тантала, соединились с духом мести, духом, который погубит и эксплуататоров, и эксплуатируемых.

Уничтожение эксплуатации путем ликвидации прибавочной стоимости является непосредственной целью социализма. Естественно, мы достигнем этой цели, если устраним причины капитализма. Мы убедились, что эту причину мы должны искать в том, что традиционные деньги, так как они являются капиталом сами по себе, устанавливают границу, границу доходности для производства и накопления капитала. И мы увидели, что свободные деньги, которые не являются капиталом, разрушают и сносят эту границу.

Однако социалисты в своих желаниях идут дальше. Они хотят также освободиться от бича кризисов и сопутствующей им безработицы. Для тех, кого это затрагивает, безработица непосредственно даже хуже, чем эксплуатация капитала. Многие рабочие, даже все без исключения, были бы готовы и дальше платить капиталистам требуемую прибавочную стоимость в полном размере, соответствующем границе доходности капитала, если бы они могли защитить себя от безработицы.

Экономические кризисы можно объяснить двумя причинами, которые обусловлены деньгами. Одна - это снижение цен, другая - падение прибыли с капитала ниже границы доходности.

Каким образом из-за падения цен возникает кризис, тот, кто ещё не понял взаимосвязи между снижением цен и кризисами, может теперь познать это в широких масштабах. Везде, где в настоящее время стремятся понизить цены, в Америке и Англии, свирепствует кризис, и притом небывалого размаха (написано в 1922 году!).

В Германии, где из-за войны экономика разрушена сильнее, чем в какой-либо другой стране, и где поэтому есть так много объяснений для кризисных явлений, безработица никогда ещё не была так незначительна, как теперь. В 1920 году был только небольшой промежуток времени в несколько месяцев, когда «ожидалось» снижение цен, и тогда это тоже привело к опасному застою. Однако он сразу же исчез, когда пособия по безработице вызвали усиление давления пресса бумажных денег, и всем коммерсантам стало ясно, что в условиях Германии снижение цен является утопией.

Этот опыт народ многому научил. Сегодня в Германии уже никто не смеётся, если кто-нибудь ищет причину безработицы и кризисов в манипуляциях эмиссионных банков и несовершенстве золотой валюты.

Перед войной было иначе. Марксисты часто высмеивали представителей учения о свободных деньгах, когда последние говорили: «Теперь вы пожинаете плоды благоприятной конъюнктуры, армия безработных сокращается, потому что золото, добытое на африканских приисках, взвинтило цены.» Или: «Вы остались без работы, потому что падают цены.» Марксисты охотно бы приписали всякое улучшение положения пролетариата политической борьбе своих профсоюзов, а ухудшение выдали бы за неизбежное следствие существования частной собственности. Тот факт, что состояние валюты, развитие индекса цен на товары могут иметь такие последствия, никогда не сможет признать тот, кто рассматривает золото (или созданные в подражание ему бумажные деньги) не иначе, как простой эквивалент товаров, относя к товарам и рабочую силу. Ещё меньше вероятность того, что он сможет найти взаимосвязь между кризисами и деньгами, если он разделяет утверждение Маркса, «что хотя золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе - золото и серебро, это доказывает тождество между природными свойствами этих металлов и функциями денег как средства обмена». Кто сможет возразить против этого тезиса, тому придется сразу же признать, что в марксовой теории капитала, вероятно, не все в порядке, так как этот тезис - апофеоз золотой валюты - находится в полном соответствии с основополагающими предпосылками марксовой теории капитала.

События последних лет, произошедшие на рынке золота, уже поставили в тупик многих

социалистов. Они начинают понимать, что полное пренебрежение валютным вопросом в социалистической литературе является её серьезным недостатком, за который теперь, когда весь мир хочет разобраться в проблеме валют и их обменных курсов, приходится жестоко расплачиваться. На состоявшихся в Брюсселе и Генуе конференциях, где валютный вопрос рассматривали как самый важный, не было представлено социалистическое движение. Во всей многомиллионной партии не нашлось ни одного человека, который бы разобрался в валютном вопросе. (Написано в 1922 году.) Это привело к тому, что социалистам пришлось уступить важнейшие, действительно ключевые посты в правительстве представителям других партий и ограничиться только такими постами, которые имеют лишь незначительное влияние при решении вопросов первоочередной важности.

Наверное, теперь в этом отношении произойдут улучшения. Однако следует помнить, что вывод, который социалисты возьмут себе на вооружение в этой области, подорвет марксову теорию капитала. А затем нужно рассчитывать на то, что произойдет крах этой теории. Это означает, что социалисты столкнутся с необходимостью выработать совершенно новые ориентиры в своей политике действий. Если на партийном съезде будет поставлен вопрос, верно или неверно предположение Маркса о том, что деньги не являются самостоятельным капиталом, и на него будет дан отрицательный ответ, то тогда социал-демократия или повернет влево и вольется в движение за свободную экономику, или распадется на мельчайшие группировки, станет добычей волков и демагогов. Ведь в таком случае требование о необходимости уничтожения частной собственности для того, чтобы ликвидировать эксплуатацию, не будет более, иметь научного обоснования.

Опыт последних лет показал многим социалистам то, что в их литературе нигде не нашло отражения. Они обнаружили, что деньги таят в себе небывалые, несокрушимые силы, которые могут причинять зло или приносить добро. Они поняли не только то, что за счет инфляционной политики с помощью пресса бумажных денег обходным путем можно свести на нет все завоевания в области повышения зарплаты, достигнутые в ходе забастовок или другими методами, но также они узнали, что до тех пор, пока пресс бумажных денег не находится под контролем профсоюзов, любая тарифная политика не принесет никакой пользы. Однако они увидели и то, как с помощью того же пресса бумажных денег у пролетариата без применения какого бы то ни было насилия отобрали деньги, отложенные на черный день в сберегательных кассах (перед войной это составляло примерно 18 миллиардов золотых марок), от которых остались жалкие крохи, едва ли равные 2 %. Затем они стали свидетелями того, как с помощью пресса бумажных денег немецкие кредиторы, держатели ипотечных закладных, государственных ценных бумаг, облигаций и т.д., экспроприировали богатство, стоимость которого превышает 150 миллиардов золотых марок. Ни один марксист не имел ни малейшего понятия о такой экспроприирующей силе денег, пресса, бумажных денег. Так как иначе уже хоть раз было бы сделано предложение завладеть прессом бумажных денег и за счет этого несколько ускорить экспроприацию экспроприаторов.

Затем они узнали, что с помощью пресса бумажных денег можно по доброй воле распустить резервные рабочие батальоны, что при сжигании в печах банкнот с целью снижения зарплаты автоматически могут начаться локауты, как теперь в Америке, где 5 000 000 человек несколько лет прозябают без работы, так что капиталистам не надо нести бремя позора, как при обычных локаутах. Там неосведомленность социалистов коварно использовали для того, чтобы поставить их самих в смешное положение рабочего, который в интересах капиталиста делает все, что должно привести к снижению его собственной зарплаты, а именно поддерживает политику снижения цен, что, пожалуй, сегодня еще во многих станах предусмотрено в программах марксистских партий. В Америке, Англии, Швейцарии, Японии.

Таящиеся в деньгах силы, которые находят свое выражение в только что упомянутых явлениях, невозможно соединить с марксовой теорией денег. Вследствие этого так же и с его теорией заработной платы, капитала, кризисов, вообще ни с одной марксистской теорией распределения, так как мы убедились, что все эти теории строятся и опровергаются на основе тезиса, что деньги являются всеобщим эквивалентом товаров.

Скрывающиеся в деньгах силы, существование которых теперь признали, хотят поставить на службу социалистическим целям. Сейчас эти силы действуют непредсказуемо и бесконтрольно в интересах отдельных групп капиталистов, которые используют их с грандиозным успехом в биржевых спекуляциях большого размаха. Сказочное богатство африканских королей биржи создано при решающем содействии сил заключающихся в деньгах.

Сегодня, как и бурные ручьи, эти силы несут с собой разрушение. В той мере, в какой они сегодня разрушают, они могли бы и созидать. Однако чтобы обратить их на пользу человечества, необходимо их сначала познать. Марксистская теория не дает нам никаких отправных пунктов для того, чтобы мы смогли воспользоваться силами денег против их власти. Маркс в своей теории «убил» деньги, превратил их в «мертвеца». Этого «мертвеца» невозможно использовать в интересах людей или на пользу государства, а так как марксист должен безоговорочно следовать своей теории, то и для спекуляций на бирже. Деньги же, по Марксу, по своей природе золото, а что ещё можно сделать с этим безжизненным веществом, кроме как выдать его за всеобщий эквивалент, разве что поступить, как профессор Лифман, который принимает деньги за номинальное платежное средство, или как Бендиксен, который сравнивает их с номерком от пальто в гардеробе, или как Зоймес Индианер, которого как просили, не прибегая к хитроумным речам, отдать деньги, так он их и отдал. Затруднения в денежном обращении, ускорение его обращения, благодаря биржевым операциям,- всё это, по Марксу, не должно оказывать влияния на деньги.

До сих пор при осуществлении государственной денежной политики вообще не поднимали вопроса о научных выводах в этой области. Единственная теория, которая ещё упоминается наряду с марксовой теорией о «мертвеце» и которая влачит жалкое существование, это - количественная теория. Её можно привести в соответствие с фактами, только допустив целый ряд оговорок. Так называемая «очищенная» количественная теория пытается разрешить эти противоречия. Она была теорией хаоса.

Применительно к свободным деньгам эта теория превращает хаос в космос. Из-за того, что свободные деньги находятся под давлением, исчезают все оговорки, допущенные в количественной теории. Благодаря свободным деньгам, эта теория, которая служила предметом бесконечных споров на разных языках мира и истинной причиной того, что многие отбросили рассмотрение валютного вопроса, считая его неразрешимым, освободилась от всех противоречий. Она становится абсолютной истиной, абсолютной в самом смелом значении этого слова. Для количественной теории отсутствовали предпосылки. Свободные деньги создают их. Скорость обращения денег, сегодня-совершенно иррациональное понятие и главный фактор ценообразования, который сделал напрасными все попытки научного обоснования ценообразования, благодаря свободным деньгам, превращается в константу. И так как она становится константой, то её вообще больше не надо принимать в расчет.

Количественная теория, которую называют «очищенной» количественной теорией, дала математическую формулу ценообразования:

$$\frac{\text{количество денег} \times \text{скорость обращения}}{\text{стоимость товарной продукции—кредит: цена}} = \text{пена}$$

Практически это ничего не давало, потому что скорость обращения денег и размер кредитов были бесконтрольными и произвольными величинами и, кроме того, количество денег в обращении согласно положениям об обеспечении связано с товаром, золотом, приобретение которого дело случая.

В случае со свободными деньгами эта математическая формула сводится к формуле, которая была положена в основу первоначальной, так называемой грубой или наивной количественной теории (и напрасно), а именно: количество денег, деленное на товарную продукцию, равняется цене.

Если справедлива пословица о том, что простота - примета истины, тогда мы имеем новое

доказательство правильности такой формулы цены. Для формулы цены нельзя найти ещё более простого выражения.

Упомянутая формула: количество денег поделить на товарную продукцию, - применение которой для металлических денег связано с массой противоречий, в отношении свободных денег полностью охватывает все проявления рынка. При металлических деньгах всегда можно было задать вопрос, что же приводит в движение находящиеся в равновесии массы денег и товаров, в результате чего образуется цена. Деньги и товары могут вечно находиться рядом друг с другом. Отсутствовала какая-либо моторная сила, по крайней мере, что касается денег. Посредством такой Формулы нельзя динамически выразить цену. О товаре мы действительно знаем, что он стремится на рынок. Он находится под давлением. В нем самом заключена естественная моторная сила. А деньги? Что толкает на рынок деньги? Люди, которые хотели накопить деньги, никогда не приберегали товары. Как раз эти люди сбывали товары в то время, как они держали на руках деньги до тех пор, пока им не предлагали в качестве «выкупа» то, что было лучше, чем товар. Зато - проценты. Движущая сила товара была заключена в самом товаре, движущая сила денег таилась не в деньгах она была привнесена извне.

Это поставило цену в зависимость от психологии человека и лишило количественную теорию главного признака правильной теории, а именно давать полное объяснение всем фактам. Она же объясняла лишь некоторые явления.

В условиях свободных денег критический вопрос о движущей силе обеих сравниваемых величин полностью утрачивает, всякий смысл. Движущая сила, которая приводит во взаимодействие товары и деньги, в результате чего образуется цена, заключается и в тех, и в других и её не надо более приносить извне. Психология владельца денег не оказывает никакого влияния. Товары и деньги находятся под давлением, и притом под одним и тем же. Теперь цену можно вполне динамично выразить как действие силы, присущей товарам и деньгам.

Теперь товары к деньгам в равной степени притягивают друг друга в то время, как до этого они отталкивали друг друга и их можно было соединить только под воздействием внешней силы. Этой силой был процент. Если эта сила прекращала действовать, обмен не совершался. Запрещение процента парализовало деньги так же, как и его снижение. В таких случаях количественная теория не срабатывала. И тогда необходимо было создать новую формулу для количественной теории. И так происходило во многих случаях.

Получив возможность теоретически обосновать ценообразование, мы также открываем для себя возможность целенаправленно воздействовать на ценообразование. И появление такой возможности ставит перед нами вопрос, как нам следует её использовать.

Поставив такой вопрос, мы приступили к рассмотрению обширной области, к валютному вопросу, который в социалистической литературе является белым пятном: ему не уделялось никакого внимания.

Теория о свободных деньгах отвечает на вопрос, как нам следует использовать возможность произвольно воздействовать на ценообразование тем, что она гласит: деньги - средство обмена. Они должны обеспечивать протекание обмена и удешевлять его. С их помощью: должны быть устранены трудности, которые возникают непосредственно при меновой торговле. В целях обеспечения и удешевления процесса обмена требуется, чтобы цены на товары по возможности были защищены от колебаний. В связи с тем, что деньги являются средством обмена для всех товаров и цены на некоторые товары изменяются по своим собственным законам, которые это обуславливают, так что часто в одно и то же время одни товары растут в цене, а другие из-за особых условий падают, то поэтому невозможно учитывать цену на каждый товар. Влияние, которое мы, благодаря свободным деньгам, можем оказывать на ценообразование, может распространяться только на цены в среднем. Это среднее всех цен сегодня определяют при помощи так называемого индекса. И этот индекс нужно поддерживать на постоянном уровне.

О том, как это должно происходить, нетрудно догадаться на основе вышеприведенных объяснений. Количество денег, поделенное на товарную продукцию, однозначно даёт в результате цену, то есть индекс. Следовательно, давайте поручим нашему эмиссионному банку использовать

индекс в качестве компаса при проведении эмиссионной политики и строго придерживаться положений количественной теории. Мы скажем банку, что он должен изымать из обращения банкноты, как только индекс покажет всеобщее повышение цен, и, наоборот, что он должен выпускать в обращение банкноты, как только индекс покажет всеобщее понижение цен. Хотя в математическом смысле индекс не будет оставаться абсолютно постоянным, однако он является таковым в повседневном понимании этого слова. Аналогично, как мы говорим о корабле, что он держит курс, хотя штурману постоянно приходится его выправлять. Сумма отклонений вправо или влево от курса даёт в итоге прямую линию.

В состоянии ли эмиссионный банк проводить такую политику, есть ли у него для этого средства? Почему нет? Что может удержать его от выпуска в обращение такого количества денег, которое требует выполнение его задачи? Единственное, что ему нужно, так это - бумага. Проведение такой валютной политики с золотой валютой было бы абсолютно невозможным уже по той причине, что для подобной валютной политики необходимо было бы сначала найти месторождение золота, не говоря уже о невозможности целенаправленно воздействовать на скорость обращения золотых денег.

Если существуют бумажные деньги, то полностью выполнены все предпосылки для того, чтобы приспособить денежное обращение к каждодневным потребностям в сфере обмена. Таким образом, мы поручим эмиссионному банку печатать и выпускать в обращение столько денег, сколько необходимо для поддержания на постоянном уровне индекса, так что банк должен выполнять эту задачу, потому что он располагает средствами для этого. Не существует никаких разумных причин, почему мы не смогли бы поставить такую задачу перед эмиссионным банком и почему эмиссионный банк не смог бы с ней справиться.

Против этого предложения было много возражений. Однако все они рушатся из-за того, что в отношении свободных денег количественная теория полностью применима. Тот, кто сомневается в том, что возможно осуществить описанную активную валютную политику, должен сначала доказать, что для свободных денег количественная теория применима только с натяжками.

В отношении приведённой валютной политики высказывали и такое возражение, что цены не сразу реагируют на эмиссию банкнот. При обосновании этого возражения опирались на статистические исследования Нихольсона, из которых следует, что цены достигают уровня, соответствующего количеству бумажных денег, только спустя три месяца и что «денежная бацилла» имеет, так сказать, инкубационный период в 3 месяца. Это возражение верно лишь условно, и его, к примеру, во время всеобщего роста цен, как это происходит сейчас в Германии, вероятно, нужно понимать наоборот, а именно потому что рост цен опережает эмиссию денег в связи с тем, что страх перед новой, обусловленной эмиссией денег волной пен ведёт к увеличению скорости обращения денег. И это возражение в отношении свободных денег полностью отпадает.

Так как свободные деньги нужны непосредственно для покупки товаров, то, само собой разумеется, что эмиссионный банк может размещать выплачиваемые деньги только среди лиц, которые имеют непосредственную потребность в товарах и которые, следовательно, принесут полученные деньги прямо на рынок. Таким образом, совершенно точно то, что если утром эмиссионный банк выпускает в обращение деньги, чтобы поднять цены, то результат этого можно будет ощутить уже вечером. Новые деньги будут рождать дополнительный спрос, который бы не возник, если бы не было вмешательства эмиссионного банка. Таким образом, свободные деньги можно назвать олицетворением спроса. Поэтому любое изменение в предложении товаров, отражающееся на ценах, может быть тотчас же нейтрализовано за счет контрмер, принимаемых эмиссионным банком.

Другое возражение, которое высказывают в отношении обсуждаемой здесь валютной политики, основывается на мнении, что индекс нельзя определить так быстро, как это необходимо. Некоторые полагают, что это займет несколько недель или месяцев, а тем временем эмиссионный банк не будет знать, какие меры ему принимать. Это возражение исходит обычно от защитников золотой валюты, исключительно от людей, которые при эмиссии денег вообще не учитывают движение цен на товары и считают это правильным. Нужно чувствовать себя очень беспомощным,

чтобы высказывать такое возражение. В действительности нет ни малейших оснований для сомнений в том, что статистика нас сможет подвести. Уже сейчас в коммерческих газетах печатаются отчеты бирж, передаваемые по телеграфу со всего мира. Для определения индекса нам требуется знать лишь цены на внутренних рынках. После того, как поступят сведения, на выполнение этой работы с помощью счетной машинки потребуется всего лишь несколько минут, так что, если возникнет необходимость, то можно подсчитывать индекс по несколько раз в день. Однако, по-видимому, будет вполне достаточно, если эмиссионный банк будет получать информацию об индексе раз в неделю.

Таким образом, технически возможно определять индекс, как угодно часто, технически также возможно с необходимой быстротой посредством денежной массы противодействовать изменению индекса, то есть проблема того, как можно удерживать индекс на одном уровне за счет активной валютной политики и притом в любых условиях, даже во время войны, является решенной.

Социалист-марксист по привычке видит причину всех негативных проявлений нашего экономического порядка, а также всего того, что можно отнести на счет недостатков наших валютных отношений, включая сюда и все промахи государственной валютной политики, в капитализме, то есть в частной собственности на средства производства. Ему приходится так думать. Ведь, согласно Марксу, деньги являются всеобщим эквивалентом товаров и, следовательно, они не могут нарушить процесс обмена. Причину многочисленных успешных биржевых спекуляций марксист должен искать во всем другом, но только не в деньгах. Причину того, что цены на товары иногда в течение десятилетий снижались и из-за этого предприниматели, обремененные долгами, главным образом крестьяне и домовладельцы, лишались возможности уплачивать проценты по ипотечным ссудам, что приводит к экспроприации собственников и создает латифундии, марксист тоже должен искать далеко-далеко от сферы денег. Короче говоря, кризисы, безработицу, перепроизводство, периоды высокой конъюнктуры, экономические спады, биржевые спекуляции, создание громадных состояний, выражающихся в миллиардах долларов, а также обычно очень высокий размер торговой прибыли, - все эти изъяны нашего экономического порядка марксисты относят на счет частной собственности на средства производства и, таким образом у народных масс возникает отвращение к такому экономическому устройству. Все недостатки, которые мы встречаем на каждом шагу, рассматривают как атрибуты частной собственности на средства производства, которые могут исчезнуть только при условии, если частная собственность будет уничтожена радикальными методами. Именно с такими убеждениями и становятся коммунистами!

При проведении вышеописанной активной валютной политики, которая освободит нас от колебаний цен общего характера, отпадут все перечисленные недостатки нашего экономического порядка.

Сейчас кризис наступает тогда, когда падают цены. Если осуществлять описанную активную валютную политику, то цены не будут больше снижаться, таким образом, по этой причине больше не будут возникать общие кризисы, следовательно, не будет так же и безработицы. Кризис наступал и в тех случаях, когда процент на капитал падал ниже границы доходности. В условиях свободных денег для накопления капитала вообще нет никаких границ, больше не существует границы доходности. Следовательно, кризис не сможет больше возникнуть по этой причине. Батальоны резервных рабочих, которые всегда были большой помехой в борьбе профсоюзов за повышение заработной платы, исчезнут. Колебания цен общего характера, которые представляют собой то, что называют конъюнктурой, создают препятствие, на котором споткнулись и упали многие коммерсанты. Коммерсант, который сумел правильно предвидеть развитие конъюнктуры, на что часто оказывает влияние расположение духа, и затем отдал свои распоряжения, может радоваться. Другие, которые были менее удачливы в этом деле, несут убытки.

Следствием этого были прекращение платежей, банкротства, принудительная распродажа имущества. Многие мелкие самостоятельные ремесленники лишились из-за этого средств производства и были вытолкнуты в ряды пролетариата. В таком случае марксист скажет:

«Смотрите, какие последствия имеет система, основанная на частной собственности. Долой такую систему!»

В современной экономике положение таково, что все профессии, занятие которыми требует от людей особых качеств, оплачиваются более высоко. Торговля является одной из таких сфер деятельности. И если сегодня торговая прибыль поглощает примерно 40 % продукта труда, созданного народом, то причина этого заключается в том, что конкуренция в этой сфере относительно не велика. Если мы, благодаря активном валютной политике, оградим торговлю от конъюнктурных колебаний цен, установив индекс цен на постоянном уровне, тогда в торговле начнется массовая конкуренция и зарплата коммерсанта, согласно всеобщим законам конкурентной борьбы, понизится до уровня средней заработной платы. В таком случае торговая прибыль больше не будет составлять 40 %, которые вызывают возмущение, а, вероятно, будет равна 20 или даже 10 процентам. Это соответствовало бы добавочной прибыли всего народа, разной 20-30 %.

Перед войной в Германии на заработную плату, абсолютную ренту и проценты приходился совокупный доход, составлявший примерно 40 млрд. золотых марок. Если из него 40 % уходило на торговую прибыль, то это составляло 16 млрд. золотых марок. Следовательно, только за счет того, что в результате стабилизации валюты мы смогли бы сэкономить на торговой прибыли, стало бы возможным выплатить все репарации в размере 132 млрд. золотых марок за 8 лет. В данном случае дело обстоит точно так же, как если бы нам удалось, благодаря какому-нибудь изобретению, повысить производительную силу всего немецкого народа на 30 %.

В социалистической критике современного экономического устройства большое внимание уделяется этой прибыли, получаемой коммерсантами, большому числу коммерсантов, роскоши, с которой оборудованы магазины, количеству коммивояжеров, расходам на рекламу, застою в делах, частым прекращением платежей, огромному количеству и размерам банков и т.д. Полагают, что при социалистическом способе производства эти мертвые расходы, которыми частная собственность на средства производства обременяет народное хозяйство, почти что полностью исчезнут. Вся торговля будет, якобы, осуществляться при помощи талонов, карточек на хлеб и масло без каких-либо перебоев и фактически без затрат. Представители теории потребительских кооперативов сформулировали свои цели аналогично. Эта критика поставила в трудное положение сторонников теории свободной экономики, потому что 40%,приходящиеся на торговую прибыль, представляли собой серьезную убыточную статью при определении преимуществ этой теории. Часто бывает недостаточно, когда говорят: в денежном хозяйстве все неминуемые претензии в отношении качества товаров улаживаются непосредственно между заинтересованными лицами, то есть между покупателем и продавцом. Никогда ещё не было случая, чтобы кто-нибудь обратился с подобной жалобой в суд. Это - совершенно частное дело. В денежном хозяйстве создан буфер между судами и народом. В условиях социалистического распределения продукции такой буфер отсутствует. Каждый, кто полагает, что у него есть основания для жалобы, кто, к примеру, получил испорченное масло, холодные булочки, тухлые яйца, обращается в государственные органы. В государственном магазине гражданин одновременно с требуемым товаром получает книгу жалоб. В таком случае для рассмотрения этих жалоб, ежедневно по несколько миллионов раз заносимых в книги, потребуются такой огромный аппарат, что опять-таки значительную: часть продукта труда придется списать как мертвый груз. Однако лишь немногие, понимают всю тяжесть этого замечания. Ведь в теории свободной экономики 40 % приходится на долю общей торговой прибыли! Целых 40 процентов!

Свободные деньги и стабильная валюта, чего возможно достичь, благодаря свободным деньгам, приведут к падению торговой прибыли до такого уровня, который и с точки зрения оптимистичных сторонников теории социалистического распределения товаров будет считаться совершенно незначительным, так что и в этом отношении теория свободной экономики выдерживает конкуренцию, и поэтому отпадает необходимость уничтожения частной собственности на средства производства для того, чтобы экономить накладные расходы в торговле. Как в области техники, так и в торговле, благодаря личному хозяйству, личной ответственности, эгоизму человека, жажде деятельности, человек достигает максимальных результатов, которых вообще можно от него ожидать. И затем это находит своё выражение в

значительных размерах продукта труда, создаваемом для всех.

Нередко частную экономику упрекают в анархии, неправильно противопоставляя её плану. При этом имеют в виду хозяйство, управление которым осуществляется только по плану при помощи статистики. Это - несколько наивная мысль. В данном случае забывают, что производство основных потребительских товаров, продукции сельского хозяйства, лишь приблизительно могло определить заранее, что из-за поздних заморозков может быть сорван самый лучший план, построенный на самой достоверной статистике. Размеры урожая картофеля в Германии колеблются часто между 20 и 50 миллионами тонн. Однако достаточно разницы и в 10 миллионов тонн, чтобы сорвать общий производственный план. Если урожай картофеля будет больше, то это значит, что другие продукты питания будут потреблять в меньшем количестве. Тогда для того, чтобы поддерживать потребление на уровне производства, в плановом хозяйстве будут переводить работников из сельского хозяйства в промышленность. Таким образом, в плановом хозяйстве будет происходить то, что и в свободной экономике. Плановое хозяйство подлаживается под рынок, следует опыту. Свободная экономика накапливает этот опыт на основе колебания цен, то есть первоисточника. Ей не нужно дожидаться статистических данных о потреблении и производстве. Цена как для фабриканта, так и для крестьянина является одновременно показателем производства и спроса, по которому они ориентируются. Дефицит любого товара проявляется в росте цен на него. Это стимулирует расширение производства. Повышение цен является непосредственно наградой за производство. И таким образом в предвоенные годы в частном хозяйстве производилось столько товаров, что на мировых рынках не было дефицита товаров, пожалуй, можно было наблюдать избыток товаров: избыток возникал потому, что нехватка денег затрудняла сбыт. Я не думаю, что какой-нибудь составитель плана смог бы всё это уладить лучше, чем свободная экономика. Если частное хозяйство посредством свободных денег и стабильной валюты освободить от конъюнктурных колебаний, то тогда тем более будет доказана на деле гениальная простота производственного плана свободной экономики. Показательно, что в современной экономике беспланово развивается только одна область, которой в связи с присутствующими ей особенностями должно управлять государство: это - деньги. Здесь господствует анархия. Если государство, распоряжаясь финансами, будет руководствоваться тем же планом, который лежит в основе частной экономики, а именно изменениями цен, то тогда исчезнут все недостатки, в которых упрекают нашу экономическую систему.

Ещё пару слов нужно сказать о перспективах, которые в политическом отношении имеют обе рассматриваемые экономические системы при претворении их в жизнь. Ведь сторонники обеих систем борются за власть, чтобы осуществить свои идеи на практике. А для тех, кому сегодня приходится сносить эксплуатацию, чрезвычайно валено, как долго придется идти к цели и можно ли вообще достигнуть цели в ближайшее время.

Как обстоят дела в этом отношении с коммунистическим социализмом, с всеобщим огосударствлением средств производства? Насильственным путем коммунизм установить нельзя, об этом свидетельствует опыт России и других стран. Для установления экономического порядка, который должен опираться на альтруизм, нельзя применять насилие потому что оно не может служить школой для формирования альтруистических взглядов. Если ещё до насильственной экспроприации экспроприаторов говорят, что мы не совсем созрели для социализма, то мы тем более будем не готовы к нему после такого применения насилия.

Коммунист, которому присуща сердечная доброта, который отвергает насилие, никогда ничего не добьется в экономическом плане.

Возможно ли, однако, добиться этого законным путем, одержав победу на выборах? То есть в результате решения законодательных органов? Я думаю, что едва ли в Германии остались ещё социалисты, которые надеются на выборы. Должно произойти чудо, чтобы коммунистам было обеспечено большинство голосов в рейхстаге. За уничтожение частной собственности на средства производства всегда будут выступать только беднейшие из бедных. Крестьяне, коммерсанты, ремесленники, представители свободных профессий, то есть именно те, кто своими руками приводит в движение маховик народного хозяйства, без которых вообще ничего не может быть создано, все как один будут голосовать против (1922 год!).

Ни насильственным, ни законным путем невозможно достичь марксистской цели. Человеческая природа направлена против неё, она восстает против неё. Коммунистическая идея близка только нищим. Для того, кто хоть раз в жизни ощутил па себе отпечаток благосостояния, она неприемлема. Обеспеченный человек стремится к свободе, а не к новой зависимости. А если бы коммунизм принес благосостояние всем, то тогда уже все были бы против него. Следовательно, его цель уничтожает его средства.

Что касается второй из обсуждаемых здесь двух экономических систем, системы освобожденной экономики, то перспективы её осуществления на практике представляются намного более обнадеживающими. В этом случае мы действительно можем рассчитывать на единый фронт всех тех, кто участвует в процессе производства. Свободная экономика ни в коей мере не затронет независимость крестьянства. Она гарантирует ему неограниченное свободное пользование землей и защитит от ипотечной зависимости потому, что земля будет провозглашена общественным достоянием и её продажа будет запрещена. Земля всей Германии, став общественной, превратится в родовое поместье всего народа. Свобода коммерсантов не будет ограничена и, возможно, будет ещё расширена. Государство никоим образом не будет вмешиваться в их деятельность. Коммерсантам будет предоставлена полная свобода действий. Они не будут испытывать трудности, вызываемые колебаниями конъюнктуры, и будут освобождены от необходимости выплачивать проценты на привлеченный капитал. Промышленные рабочие получают львиную долю тех плодов, которые принесет свободная экономика. Их заработная плата увеличится вдвое, втрое в то время, как цены останутся неизменными. Постепенно будет расти благосостояние рабочих. Они приобретут акции своих собственных предприятий и будут вправе рассчитывать на получение дохода с них, - который, разумеется, не будет превышать обычных дивидендов.

В обществе со свободной экономикой не требуется, чтобы все становились пролетариями, руководство которыми осуществляет центральное ведомство и которые без всякого интереса и удовольствия работают над выполнением плана, составленного этим ведомством. Напротив, свободная экономика приведет к исчезновению этих жалких порождений капитализма, превратив всех рабочих в свободных, самостоятельных и отвечающих за свои поступки людей, в полноправных граждан.

И я думаю, что если бы нам пришлось сказать немецкому народу, что для построения марксистского социализма нам необходимо всеми мерами довести до конца процесс пролетаризации масс, ввергнуть преобладающую часть народа в нищету, что путь, по которому марксисты ведут народ в коммунистический рай, сопряжен с голодом, безработицей, самоубийством и чахоткой, поражающей все общество, то тогда многие бы вообще усомнились в достижимости этих целей. Чахотка, охватывающая все общество, - последнее звено в цепи развития, а не путь к новым целям. Нельзя ничего достичь за счет всеобщей пролетаризации масс. Тщетны надежды, основывающиеся на этом. Политика, которую хотят провести в жизнь с помощью избирательных бюллетеней и у сторонников которой из-за чахотки иссякают последние силы на пути к избирательным урнам, в сущности сама обрекает себя на вымирание и, наверняка, таит в себе массу противоречий.

Мы отказываемся от коммунизма, путь туда ведет к реакции. Таким образом, цель коммунизма представляет собой самое крайнее проявление реакции.

Идя по пути освобождения от коммунизма, мы из-за пороков привычных нам денег и земельного права, опять попадаем в капитализм. Мы окажемся в тупике: налево - система финансовых отношений, направо - земельное право. Даже если бы мы захотели, мы бы не смогли повернуть обратно. Что же нам делать?

Мы хотим на волю, в свободный мир, перспектива которого открывается перед нами. Мы хотим попасть туда прежде, чем, измученные голодом, мы уничтожим друг друга. Как нам добиться свободы? Давайте взорвем все препятствия! Давайте покончим со старыми пережитками которые мы, приняв на веру, унаследовали от наших предков. Давайте разрушим панцирь, которым сковало нас денежное и земельное право и который нас душит.

Да, давайте все как один возьмемся за дело! Поджечь фитиль! Взорвать панцирь!

1) «...если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение, или товарообмен, не создает никакой прибавочной стоимости.» Marx: Das Kapital. Bd.1. S. 126, 4. Aufl.

«Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо как покупательное средство и средство платежа они лишь реализуют цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых шти, между тем, как застывая в своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости.» (там же, с. 129)

«В собственно торговом капитале форма Д - Т - Д', купить, чтобы продать дороже, проявляется в наиболее чистом виде. С другой стороны, все его движение протекает в пределах сферы обращения. Но, так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то торговый капитал представляется невозможным, поскольку обмениваются эквиваленты; поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двустороннего надувательства покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом. В этом смысле Франклин говорит: «Война есть грабеж, торговля есть надувательство.» (там же, с. 126)

2) «...обращение денег в качестве капитала есть самоцель...» Marx. Kapital, 4 Aufl., Bd. 1, S. 115

«Деньги образуют поэтому исходный и заключительный пункт всякого процесса возрастания стоимости. Она была равна 100 ф. ст., теперь она равна 100 ф. ст. и т.д.» (там же, с. 117)

«Деньги есть первая Форма проявления капитала. Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег.

Но нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т.е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, - денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал.» (там же, с.109)

«Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев.» (там же, с.127)

3) «Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а, следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила - стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда. Стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца.» (Маркс не сам сочинил это красивое предложение. В качестве автора он цитирует Th.Hobbes: «Стоимость, или ценность, человека, как и всех других вещей, есть его цена, т.е. она составляет столько, сколько может быть получено за пользование его силой.» Marx: Kapital, 4. Aufl., Bd. 1, s. 133)

«Владелец рабочей силы и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один - покупатель, а другой - продавец, следовательно, оба - юридически равные лица.» (там же, с. 130).